

ОПИСАНІЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ ГОРЦЕВЪ.

ИЗЪ К. ПЛѢННИКА.

Межь Горцевъ , плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру , нравы , воспитанье ,
Любилъ ихъ жизни простоту ,
Гостепріимство , жажду брани ,
Движеній воѣнныхъ быспроту ,
И легкость ногъ , и силу длани ;
Смошрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ ,
Какъ иногда Черкесь проворной ,
Широкой степью , по горамъ ,
Въ косматой шапкѣ , въ буркѣ черной ,
Къ лукъ склонясь , на спремена
Ногою спройной опираясь ,
Лепалъ по волѣ скакуна ,
Къ воинѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.

Черкесь оружіемъ обвѣшенъ ;
 Онъ имъ гордится , имъ утѣшенъ :
 На немъ броня , пицаль , колчанъ ,
 Кубанскій лукъ , кинжалъ , арканъ ,
 И шашка , вѣчная подруга
 Его трудовъ , его досуга .
 Ни что его не пѣгопишъ ,
 Ни что не брякнешъ : пѣшій , конный —
 Все пошъ же онъ ; все пошъ же видъ
 Непобѣдимый , непреклонный .
 Гроза безпечныхъ Козаковъ ,
 Его богатство — конь репивый ,
 Пипомецъ горскихъ шабуновъ ,
 Товарищъ вѣрный , перпѣливый .
 Въ пещерѣ иль правѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ паишся ,
 И вдругъ , внезапною спрѣлой ,
 Завидя пупника , спремишся ;
 Въ одно мгновенье вѣрный бой

Рѣшишь ударъ его могучи ,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечешь арканъ лешучій.
Стремишься конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги ;
Все пушь ему : болото , боръ ,
Куспы , утесы и овраги ;
Кровавыи слѣдъ за нимъ бѣжишь ,
Въ пустынь попопъ раздаешься ;
Сѣдой попокъ предъ нимъ шумишь —
Онъ въ глубь кипящую несется ,
И пупникъ , брошенные ко дну ,
Глошаетъ мутную волну ,
Изнемогая смерти просишь
И зришь ее передъ собою. . .
Но мощный конь его—стрѣлой
На берегъ пѣниспыи выносишь.
Иль ухвативъ рогатый пенъ
Въ рѣку низверженными грозою ,
Когда на холмахъ пеленою

Лежишь безлунной ночи тѣнь ,
Черкесь на корни вѣковые
На вѣшви вѣшаешь кругомъ
Свои доспѣхи боевые ,
Щипъ , бурку , панцырь и шеломъ ,
Колчанъ и лукъ — и въ быспры волны
За нимъ бросается попомъ
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ ;
Могучи покъ его несутъ
Вдоль береговъ уединенныхъ .
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ .
Склонясь на копья , Козаки ,
Глядяшь на темный бѣгъ рѣки —
И мимо ихъ , во мглѣ чернѣя ,
Плыветъ оружіе злодѣя. . .
О чемъ ты думаешь , Козакъ ?
Вспоминаешь прежни биввы ,
На смершномъ полѣ свой бивакъ ,
Полковъ хвалебныя молишвы

И родину ? . . . Коварный сонъ !
Простите , вольныя станицы ,
И домъ опцовъ и тихій Донъ ,
Война и красныя дѣвицы !
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ ,
Спрѣла выходишь изъ колчана —
Взвилась — и падаетъ Козакъ
Съ окровавленнаго кургана.
Когда же съ мирною семьей
Черкесь въ опеческомъ жилищѣ
Сидишь ненапною порой
И плѣютъ угли въ пепелищѣ ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня ,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый ,
Къ нему войдетъ пришлецъ успалый
И робко сядетъ у огня :
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ , ласково , встаепъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь опрадный подаепъ.

Подъ влажной буркой , въ сакль дымной
Вкушаетъ пупникъ мирный сонъ ,
И упромъ оспавляетъ онъ
Ночлега кровь госпенримной.
Бывало въ свѣпмый Баиранъ
Сберутся юноши полною ;
Игра смѣняется игрою :
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Неперпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ , вдругъ падутъ ,
Какъ лани землю поражаютъ ,
Гавнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразный
Сердцамъ рожденнымъ для войны ;
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.

Не рѣдко шашки грозно блещутъ,
Въ безумной рѣзвости пировъ ,
И въ прахъ лепяшъ главы рабовъ .
И жены робкія препещутъ.

